
ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

THE LAW ENFORCEMENT BY PUBLIC AUTHORITIES

УДК 342.1

DOI 10.24147/2542-1514.2018.2(1).31-39

ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ КОНСТИТУЦИИ РФ: К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ

Е.С. Аничкин¹, Т.И. Ряховская²¹ *Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия*² *Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Новосибирск, Россия***Информация о статье**

Дата поступления –

9 августа 2017 г.

Дата принятия в печать –

10 февраля 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

2 апреля 2018 г.

Ключевые слова

Конституция, прямое действие конституции, прямое применение конституции, права и свободы человека и гражданина, юридические свойства конституции, реализация конституции, применение конституции

Анализируются различные подходы к раскрытию закрепленных в ч. 1 ст. 15 Конституции РФ ее прямого действия и прямого применения. На основании исследованного материала выявляются различия между указанными терминами. Рассматривается практическое воплощение идеи прямого действия Конституции РФ посредством ее прямого применения, которое является лишь одной из форм реализации Основного закона, делающей прямое действие норм Конституции не просто лишь закрепленным постулатом, а влияющим на практику и имеющим значение для человека и гражданина юридическим свойством Конституции РФ.

DIRECT EFFECT AND APPLICATION OF PROVISIONS OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE QUESTION OF THE DELIMITATION OF CONCEPTS

Evgeny S. Anichkin¹, Tatiana I. Ryakhovskaya²¹ *Altai State University, Barnaul, Russia*² *Siberian Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia***Article info**

Received – 2017 August 9

Accepted – 2018 February 10

Available online – 2018 April 2

Keywords

Constitution, direct effect of the constitution, direct application of the constitution, human and civil rights and freedoms, legal features of the constitution, implementation of the constitution, enforcement of the constitution

The article is devoted to the theoretical and practical problems of direct effect of the Constitution of the Russian Federation.

The purpose of the study is the delineation of concepts of direct action and the direct application of the Constitution. The proposed topic is very relevant, because nowadays, when the Russian Federation is striving to build a rule-of-law state and a developed civil society, the theoretical and practical bases of the direct action of Constitution require a scientific justification.

The methodological basis of the study was: a formal-logical method that made it possible to clarify the properties of the Constitution of the Russian Federation, distinguishing it from the statics and dynamics from other regulatory legal acts. The practice of direct enforcement of the Constitution was analyzed with formal-legal method.

The authors analyzed theoretical material: the works of A.B. Vengerov, N.V. Vitruk, Yu.I. Grevtsov, A.N. Kokotov, I.A. Kravets, V.O. Luchin, V.V. Nevinskii, B.S. Ebzeev, – as well as empirical data – decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and other courts.

The authors came to the conclusion that the direct effect of the Constitution of the Russian Federation is a legal feature of the norms of the Basic Law, that are implemented irrespective of the existence of normative legal acts that specify them. Even if it is necessary to specify the norms of the Constitution, clarifying rules are created on the basis of constitutional legal requirements and only develop them for the purpose of implementation. Direct application of the Constitutional rules is only one of the forms of its implementation, according to Art. 15 (pt. 1) of Russian Constitution.

1. Введение

Несмотря на длительный период существования Конституции РФ и закрепленного в ч. 1 ст. 15 постулата: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации», – правовая определенность в вопросе «прямого действия» и «применения» Основного закона РФ по-прежнему отсутствует, впрочем, как нет и легального толкования данных терминов. Зачастую применение Конституции РФ выражается в формальной отсылке к ее статье без воспроизведения текста в иных правовых актах, например в судебных решениях [1, с. 17]

В контексте вопроса о прямом действии Конституции РФ представляется уместным уточнить, что подразумевает собой «действие» Конституции, каким является его соотношение с «реализацией», включающей в себя и применение как одну из форм. В процессе анализа научной литературы нами были выявлены позиции, представленные в разделах 2 и 3 настоящей публикации.

2. Определение прямого действия Конституции через формы реализации норм права

Например, Б.И. Кожохин писал, что прямое действие Конституции ограничено и не может рассматриваться в качестве единственного способа ее реализации. По его мнению, Конституция как юридический акт, составляющий фундамент всей правовой системы государства, в процессе применения реализуется и непосредственно (как политико-правовой документ прямого действия), и с помощью всей совокупности юридических, политических и морально-этических норм, используемых в данном государстве [2, с. 88]. То есть, в данном случае автор рассматривал не столько «прямое действие» Конституции, сколько возможность ее применения без опосредующих нормативно-правовых актов, являющегося одной из форм реализации Конституции.

Ю.И. Гревцов относительно прямого действия Конституции также обращает внимание на то, что речь в первую очередь идет о возможности ее непо-

средственного применения общими судами в целях обеспечения реализации закрепленных в ней основных прав и свобод или для защиты. Он выделяет признак прямого действия конституционных норм: их реальное и прямое применение общими судами, т. е. если та или иная норма Конституции применяется непосредственно общими судами, значит, она имеет прямой порядок действия. Если же общие суды не могут признать или защитить субъективное право, закрепленное в конституционной норме, опираясь только на текст этой нормы, следовательно, рассматривать такую конституционную норму как имеющую прямое действие достаточных оснований, по его мнению, нет [3, с. 94–96].

Похожий подход встречается и в выступлении И.А. Алешковой, отмечающей две разновидности применения Конституции: прямое (основное) и косвенное (производное). Первое осуществляется в рамках процессуальной деятельности и представляет собой применение конкретной конституционной нормы (конституционных норм) как непосредственно, так и в совокупности с нормами других законов, конкретизирующих ее положения, при обосновании и вынесении судебного решения. Второе – осуществляется судами общей юрисдикции в рамках процессуальной деятельности и представляет собой применение нормы закона, которой конституционная норма была конкретизирована в совокупности с правовыми позициями Конституционного Суда РФ [4, с. 110]. С нашей точки зрения, подобного рода деление не является обоснованным, так как сама Конституция РФ, закрепив прямое действие своих норм, не указывает на те, которые таковым не обладают. Более того, в основу «проверки» прямого действия кладется лишь прямое применение судами норм Конституции, что значительно уже самого термина «действие».

В.Е. Чиркин указывает: «Прямое действие означает, что конституция должна непосредственно применяться высшими органами государства, должностными лицами, судами. Ее должны применять и исполнять граждане, лица без гражданства, обще-

ственные объединения, юридические лица и др.» [5, с. 61]. Опять же, используется только термин «применение», исполнение, что кажется весьма ограниченным подходом.

С точки зрения А.Б. Венгерова, прямое действие Конституции означает, что впервые у суда, органов исполнительной власти появилась возможность на законной основе применять нормы Конституции для решения конкретных споров, использовать эти нормы для издания обоснованных управленческих актов, рассмотрения жалоб и заявлений граждан [6]. Он же отмечает, что «прямодействие Конституции стало составным элементом применения права» [7, с. 513]. «Отчетливо видны две основные формы прямого применения Конституции: с помощью Конституционного Суда, имеющего для этого соответствующую процедуру, и с помощью других правоприменительных органов, в том числе обычных судов» [7, с. 518].

Рассуждая о прямом действии Конституции РФ, уместно предложить обратить внимание на прямое действие закона, которое также, в частности Б.И. и М.Б. Гогурчуновыми, понимается как форма осуществления права, т. е. свойство правовых норм без каких-либо конкретизирующих их актов оказывать непосредственно регулирующее воздействие на всех, кому они адресованы, а также связанная с этим возможность требования гражданами защиты, т. е. обеспечения своих прав, со ссылкой лишь на эти положения закона [8].

Полагаем, что приведенные выше позиции страдают главным недостатком – рассмотрением «прямого действия» Конституции только через призму ее применения. С нашей точки зрения, данный подход является недопустимо узким, так как даже конституционно разграничено прямое действие и прямое применение Конституции РФ, что говорит о различных смысловых нагрузках этих понятий.

3. Рассмотрение прямого действия Конституции не в качестве ее реализации

Так, В.О. Лучин отмечает, что «действие Конституции свидетельствует о готовности ее оказывать фактическое влияние на общественные отношения. Реализация же начинается тогда, когда действием Конституции воспользовались соответствующие субъекты и ее регулятивное влияние находит свой объект». «Действие» и «реализация» Конституции рассматриваются им как различные грани, характеристики одного и того же явления [9, с. 63–64].

Б.С. Эбзеев, также рекомендуя не смешивать понятия «действие» и «реализация» Конституции,

предлагает выделять динамический и статический аспекты ее действия, причем под последним понимается действие Конституции с момента объявления об этом, с этого же момента ее постановления обязательны для всех субъектов права, она распространяется на всю территорию государства. Однако «действие Конституции» имеет и динамическую сторону, означает ее внедрение в ткань общественных отношений в качестве ограничителя публичной власти и гарантии прав личности как главных признаков правового государства с характерным для него безусловным верховенством закона [10, с. 6–7].

А.Н. Кокотов, разделяя «действие» и «реализацию» Конституции, справедливо указывает, что «она действует в пространстве (территория Российской Федерации), во времени (с 25 декабря 1993 года; в определенных случаях ее нормы могут быть обращены к отношениям, возникшим ранее этой даты), по кругу лиц (в отношении всех, кто находится под юрисдикцией Российской Федерации). Реализация (осуществление) Конституции, ее норм, основных прав, свобод – характеристика действий субъектов права по поводу извлечения из Конституции заложенных в ней возможностей, правовых “потребительных стоимостей”. Элементарные способы осуществления Конституции субъектами права: использование, соблюдение, исполнение, применение – зависят от природы конституционных норм» [11, с. 60]. С этой позицией сложно не согласиться.

И.А. Кравец выделяет уровни прямого действия Конституции: «Первый уровень – непосредственная реализация конституционных норм и способов их защиты гражданами РФ и иными физическими лицами, а в случаях, предусмотренных конституционным законодательством, и юридическими лицами. Второй уровень – применение конституционных норм судами общей юрисдикции и арбитражными судами при разрешении конкретных дел. Третий уровень – применение норм Конституции в конституционном судопроизводстве при реализации отдельных полномочий Конституционного Суда РФ» [12, с. 368]. В таком случае возникает вопрос, распространяется ли прямое действие Конституции на органы государственной власти, не имеющие отношения к судебной системе Российской Федерации. Несколько урезанной видится эта позиция в силу того, что задействованы только суды, и якобы лишь в их работе возможно узреть реализацию этого свойства конституционно-правовых норм.

Примечательно, что В.О. Лучин [9, с. 89], Б.С. Эбзеев [13, с. 284] придерживаются идеи, что су-

существует две формы действия конституционных норм: прямое, непосредственное – когда Конституцию можно применять напрямую, без конкретизирующего ее законодательства, и опосредованное – когда достижение определенных целей невозможно без применения конкретизирующей Конституцию нормы. Полагаем, речь здесь идет все же не о действии, а о двух формах реализации: прямой и опосредованной, – что весьма узко, так как понятие «прямое действие» включает в себя реализацию конституционных положений, а не только применение.

Прямое действие Конституции законодательно отделено от ее прямого применения, следовательно, полагаем, что «прямое действие» – термин особо актуальный для человека и гражданина, который, ссылаясь на это свойство, может требовать от органов государственной власти, прямо применяющих Конституцию, защиты своих прав и свобод. По идее, категория «прямое действие» включает в себя:

- действие Конституции во времени, в пространстве, по кругу лиц;
- исполнение, соблюдение, использование конституционных норм;
- ориентирование и требование к органам государственной власти к прямому применению норм Конституции.

Некоторыми авторами предпринималась попытка углубленного изучения прямого действия Конституции РФ, однако им удавалось дать в основном только характеристики этого явления.

Например, А.Н. Кокотов под прямым действием Конституции РФ предлагает понимать, во-первых, право индивидов на прямое, непосредственное использование конституционных прав и свобод, во-вторых, обязанность всех субъектов, кому адресованы конституционные запреты, непосредственно их соблюдать, в-третьих, обязанность уполномоченных субъектов непосредственно исполнять, применять обязывающие конституционные нормы [11, с. 60–61].

Р.В. Шагиева под категорией «прямое действие» Конституции обозначает лишь те случаи ее непосредственного влияния и осуществления, которые связаны с конкретной активностью граждан, других адресатов Конституции в политико-правовой и социально-экономической сферах, когда каждый может наиболее выгодно использовать положения Конституции для осуществления своих законных интересов [14, с. 13]. В контексте такого подхода теряется идея именно «действия» и остается – реализация, т. е. непосредственная деятельность субъектов.

В.М. Антоненко формулирует определение понятия «прямое действие» следующим образом: «...это свойство конституции выступать непосредственным регулятором общественных отношений без необходимости ее детализации в нормативных правовых актах» [15, с. 6]. Подход весьма интересный, вместе с тем он ставит под сомнение необходимость существования нормативно-правовых актов, действующих на территории Российской Федерации.

Наиболее близко к раскрытию сущности «прямого действия» Конституции, на наш взгляд, подошел Н.В. Витрук, обнаруживший, что прямое действие Конституции РФ проявляется, во-первых, в ее верховенстве в правовой системе: законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции РФ (ч. 1 ст. 15); во-вторых, в определяющем регулятивном воздействии конституционных установлений на всё отраслевое (текущее) законодательство; в-третьих, в свободной, инициативной деятельности субъектов общественных отношений на основе конституционных положений (например, осуществление каждым своих конституционных свобод); в-четвертых, в непосредственном применении конституционных норм судами и иными правоприменительными органами и их должностными лицами при отсутствии или вопреки имеющемуся отраслевому регулированию в случае его противоречия конституционным положениям [16, с. 151–152].

В.В. Невинский указывает на некоторые проблемы, возникающие при возведении прямого действия норм Конституции РФ в «абсолют»: 1) многие конституционные нормы в силу самой природы Конституции носят столь абстрактный характер, что гражданин и суд не в состоянии применять их при решении конкретного дела; 2) на пути прямого действия норм Конституции РФ возникают препятствия в виде содержащихся в ней самой оговорок и ограничений, которые могут быть преодолены лишь посредством дополнительного правового регулирования при наступлении благоприятных социально-экономических и политических условий; 3) прямое действие некоторых норм Конституции РФ, сформулированных предельно конкретно и не имеющих формальных конституционных ограничений, может сдерживаться отсутствием политических решений по отдельным важнейшим вопросам жизни общества и государства; 4) важное значение для прямого действия норм Конституции РФ имеет совершенствование правоприменительной деятельности су-

дебных органов, прежде всего Конституционного Суда, Верховного Суда [17].

4. Практика судебного обеспечения прямого действия Конституции РФ

Бесспорно, на практике прямое действие Конституции РФ вызывает не только проблемы, но и некоторое недоумение. К сожалению, органы государственной власти не всегда заинтересованы в том, чтобы Основной закон действовал прямо, в частности достаточно обратиться к статьям гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина». Так, ст. 31, закрепляющая следующее: «Граждане имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование», – имеет прямое действие, т. е. она содержит правила поведения, которые, по идее, могут быть реализованы без каких-либо оговорок, без уточняющего законодательства. Однако органы государственной власти сочли необходимым создать Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании»¹, который конкретизирует эту норму Конституции, что идет вразрез с теорией прямого действия Конституции. В.В. Путин подчеркнул, что «нельзя ограничивать права граждан на волеизъявление, но при этом нельзя и мешать тем людям, которые не участвуют в уличных мероприятиях. <...> ...Правоприменительная практика никоим образом не должна ограничивать демократические права граждан на волеизъявление и выражение своей позиции, в том числе с помощью уличных шествий. Но все это должно быть так организовано, “чтобы не наносить ущерб гражданам, которые в этих мероприятиях участия не принимают”»².

Примечательно, что по этому поводу Конституционный Суд в своем Постановлении от 18 мая 2012 г. № 12-П уточнил следующее: «Право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования, гарантированное Конституцией Российской Федерации и названными международно-правовыми актами как составной частью правовой системы Российской Федерации (статья 15, часть 4, Конституции

Российской Федерации), не является абсолютным и может быть ограничено федеральным законом в конституционно значимых целях. Соответственно, такой федеральный закон должен обеспечивать возможность реализации данного права и одновременно – соблюдение надлежащего общественного порядка и безопасности без ущерба для здоровья и нравственности граждан на основе баланса интересов организаторов и участников публичных мероприятий, с одной стороны, и третьих лиц – с другой, исходя из необходимости гарантировать государственную защиту прав и свобод всем гражданам (как участвующим, так и не участвующим в публичном мероприятии), в том числе путем введения адекватных мер предупреждения и предотвращения нарушений общественного порядка и безопасности, прав и свобод граждан, а также установления публично-правовой ответственности за действия, их нарушающие или создающие угрозу их нарушения»³.

На наш взгляд, прямое действие норм Конституции РФ здесь остается учтенным в силу того, что обязанность государства в соответствии со ст. 2 Основного закона: «Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина». Поэтому, в контексте представленного федерального закона, именно государство заботится о создании адекватных условий проведения митингов, демонстраций, шествий и пикетирования, так как права и свободы одних не должны вступать в противоречие с правами и свободами других.

Статья 33 Конституции РФ говорит нам о том, что граждане имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. По идее, без конкретизирующего ее Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁴ едва ли возможно адекватное восприятие этой нормы. Однако в Постановлении от 18 июля 2012 г. № 19-П сам Конституционный Суд РФ выразил следующую правовую позицию: «Действие Федерального закона “О порядке рассмотрения обра-

¹ Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2004. № 25. Ст. 2485.

² Латухина К., Шкель Т. Правила движения // *Российская газета*. 2012. 9 июня. URL: <https://rg.ru/2012/06/09/miting.html>.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 мая 2012 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 2 ст. 20.2 Кодекса Российской Федерации об

административных правонарушениях, п. 3 ч. 4 ст. 5 и п. 5 ч. 3 ст. 7 Федерального закона “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании” в связи с жалобой гражданина Каткова» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2012. № 22. Ст. 2921.

⁴ Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2006. № 19. Ст. 2060.

щений граждан Российской Федерации”, как следует из ч. 1 его ст. 1 и ч. 1 ст. 2, распространяется на обращения, направленные в органы государственной власти, органы местного самоуправления и должностным лицам. Само по себе такое определение круга адресатов обращений граждан согласуется с положениями статьи 33 Конституции Российской Федерации, из которой прямо не вытекает необходимость законодательного закрепления гарантий прав граждан при обращении к иным, помимо органов публичной власти и их должностным лицам, самостоятельным субъектам правоотношений»⁵.

Рассмотрим иной пример, связанный с принципом разделения властей. Заявителем выступила Государственная Дума Томской области. Предметом рассмотрения являлись положения Регламента Правительства РФ, согласно которым проект федерального закона, поступивший на заключение в Правительство РФ без финансово-экономического обоснования и иных необходимых материалов, возвращается Аппаратом Правительства РФ субъекту права законодательной инициативы без представления заключения. Позиция заявителя: оспоренная норма нарушает право законодательной инициативы субъектов, уполномоченных на его осуществление Конституцией РФ, в частности законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации. В итоге Конституционный Суд РФ признал оспоренные положения Регламента Правительства РФ не соответствующими Конституции по форме, содержанию, а также с точки зрения разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. Примечательной является одна из мотивировок Конституционного Суда: «Закрепленная Конституцией РФ организационная и функциональная самостоятельность органов законодательной власти предопределяет конституционно-правовой статус законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации и их участие в федеральном законотвор-

честве, которое осуществляется в различных формах, в частности, в форме законодательной инициативы. Данное право, как имеющее в силу статьи 15 (часть 1) Конституции РФ прямое действие, реализуется законодательными (представительными) органами субъектов самостоятельно, в установленных Конституцией РФ пределах и с соблюдением вытекающих из нее требований»⁶.

Таким образом, можно отметить, что Конституционный Суд РФ весьма часто обращается к прямому действию норм Конституции РФ, либо непосредственно указывая на него, либо используя различные формулировки, как, например, в одном из Постановлений: «Необходимость адекватных мер федерального воздействия в целях защиты Конституции Российской Федерации, обеспечения ее высшей юридической силы, верховенства и прямого действия... требует от органов государственной власти субъектов Российской Федерации соблюдения федеральной Конституции и федеральных законов, вытекает непосредственно из закрепленных Конституцией Российской Федерации основ конституционного строя...»⁷

Человеку и гражданину прямое действие Конституции дает, в первую очередь, возможность, ссылаясь на ее нормы, отстаивать свое нарушенное право, требовать возможности реализации своего права или свободы, даже если отсутствует «техническая» надстройка, даже если отсутствуют акты, способствующие наиболее полной реализации норм Конституции. Например, решением Центрального районного суда г. Калининграда было удовлетворено заявление гр. И., который оспаривал решение о призыве на военную службу, сославшись на то, что является членом религиозной организации «Свидетели Иеговы» и по религиозным убеждениям не может проходить военную службу. Суд, с учетом того, что право на альтернативную гражданскую службу гарантировано ч. 3 ст. 59 Конституции РФ, обладаю-

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 2 и ст. 3 Федерального закона “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации” в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 31. Ст. 4470.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2006 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 100 Регламента Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 50. Ст. 5371.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2002 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 15. Ст. 1497.

щей высшей юридической силой, а свидетелями, допрошенными в судебном заседании, были действительно подтверждены религиозные убеждения И., обязал призывную комиссию предоставить ему альтернативную гражданскую службу⁸.

При рассмотрении практики судов общей юрисдикции было обращено внимание на то, что фактически они крайне редко ссылаются на нормы Конституции при разрешении споров, а Верховный Суд РФ весьма часто применяет нормы Основного закона, мотивируя свои решения. В 1996–2001 гг. был период своеобразного «пика» активности в деятельности Верховного Суда, посвященной прямому действию Конституции, после рассматриваемый орган весьма редко прибегает в своих обзорах к такой формуле, как прямое действие Конституции. Вероятно, это можно объяснить тем, что суды низшей инстанции осознали возможности прямого применения норм Конституции, а возникающие новые правовые отношения уже обросли весьма солидной нормативно-правовой базой.

А вот арбитражные суды являлись весьма активными пользователями правила прямого действия Конституции РФ, что можно проиллюстрировать на следующих примерах. В Решении Арбитражного Суда Омской области от 25 мая 2011 г. по делу А46-2885/2011 по иску Администрации города Омска к Министерству финансов РФ в лице Управления Федерального казначейства по Омской области о взыскании 2 762 449 руб. 50 коп. в резолютивной части решения было уточнено, что согласно ст. 133 Конституции РФ местное самоуправление в Российской Федерации гарантируется правом на судебную защиту и на компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате решений, принятых органами государственной власти. Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации (ст. 15 Конституции РФ). А равно отмечено, что высшие судебные инстанции Российской Федерации также неоднократно обращали внимание на то, что судам необходимо во всех случаях применять Конституцию РФ в качестве акта прямого действия⁹.

⁸ Обзор практики рассмотрения городскими (районными) судами Калининградской области дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 4. (Текст постановления опубликован в извлечениях.)

Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 3 июня 2009 г. по делу № А45-1931/2009 по заявлению ООО «Фул Хауз» к Инспекции Федеральной налоговой службы по Центральному району г. Новосибирска о признании недействительным письма от 8 октября 2008 г. также содержит в себе отсылку к прямому действию Конституции РФ: «На территории Новосибирской области в период с 26.04.2002 г. и по 26.04.2006 г. заявитель, являвшийся плательщиком налога на игорный бизнес, имел право при расчете суммы налоговых обязательств по уплате налога на игорный бизнес применять налоговую ставку 3 000 руб. за игровой автомат в месяц, даже в том случае, когда законом Новосибирской области в соответствии с федеральным законом устанавливались новые, более высокие, налоговые ставки за игровой автомат в месяц по налогу на игорный бизнес. Означенная правовая позиция заявителя является не только его частным мнением, но и прямо следует из конституционно-правового принципа стабильных условий хозяйствования, выводимого КС РФ из ст. 8 ч. 1; ст. 34 ч. 1; ст. 57 Конституции РФ. В частности, ст. 57 Конституции РФ, имеющей прямое действие на всей территории РФ (ее ст. 15 ч. 1), определено, что законы, устанавливающие новые налоги или ухудшающие положение налогоплательщиков, обратной силы не имеют»¹⁰.

5. Выводы

Таким образом, можно предположить следующее: прямое действие норм Конституции РФ – это юридическое свойство норм Основного закона, имеющее легальный характер, выражающее правило действия и реализации норм Конституции независимо от наличия конкретизирующих их нормативно-правовых актов. Данное свойство ничем не ограничено, т. е. даже если необходима конкретизация норм Основного закона, это не является его исключением, так как сама конкретизация создается на основе конституционно-правовых предписаний и лишь развивает их с целью реализации, а не устанавливает. А применение Конституции РФ, особенно в деятельности судов, – это процесс, посредством которого обеспечивается это свойство.

⁹ Решение Арбитражного Суда Омской области от 25 мая 2011 г. по делу А46-2885/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 3 июня 2009 г. по делу № А45-1931/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аничкин Е.С. Принцип прямого действия Конституции Российской Федерации: некоторые актуальные вопросы / Е.С. Аничкин, О.А. Зенина // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2015. – № 2 (40). – С. 14–17.
2. Кожохин Б.И. Некоторые особенности реализации российской Конституции / Б.И. Кожохин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право. – 1996. – Вып. 2. – С. 87–93.
3. Гревцов Ю.И. Прямое действие Конституции? / Ю.И. Гревцов // Журнал российского права. – 1998. – № 6. – С. 94–99.
4. Итоги весенней школы молодых ученых «Актуальные проблемы прямого действия и применения Конституции Российской Федерации» // Российское правосудие. – 2014. – № 6 (98). – С. 109–112.
5. Чиркин В.Е. Конституционное право России: учеб. / В.Е. Чиркин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003. – 447 с.
6. Венгеров А. Прямое действие Конституции: правовые, социальные, психологические аспекты / А. Венгеров // Общественные науки и современность. – 1995. – № 5. – С. 48–55.
7. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учеб. [для юрид. вузов] / А.Б. Венгеров. – 5-е изд., стер. – М.: Омега-Л, 2008. – 608 с.
8. Гогурчунов Б.И. К вопросу о реализации категории «прямое действие» федерального законодательства на территории субъектов Российской Федерации: на примере Республики Дагестан / Б.И. Гогурчунов, М.Б. Гогурчунова // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 11. – С. 38–40.
9. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В.О. Лучин. – М.: Юнити-Дана, 2002. – 687 с.
10. Эбзеев Б.С. Конституция Российской Федерации: прямое действие и условия реализации / Б.С. Эбзеев // Государство и право. – 2008. – № 7. – С. 5–15.
11. Кокотов А.Н. Прямое (непосредственное) действие Конституции Российской Федерации / А.Н. Кокотов // Вестник Уставного суда Свердловской области. – 2009. – № 1 (10). – С. 59–65.
12. Кравец И.А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления / И.А. Кравец. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 675 с.
13. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности / Б.С. Эбзеев. – М.: Норма, 2007. – 384 с.
14. Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Р.В. Шагиева. – М., 2006. – 38 с.
15. Антоненко В.М. Прямое действие Конституции Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.М. Антоненко. – Екатеринбург, 2014. – 25 с.
16. Витрук Н.В. Верность Конституции: моногр. / Н.В. Витрук. – М.: Изд-во РАП, 2008. – 272 с.
17. Невинский В.В. Конституция Российской Федерации: испытание мировым опытом / В.В. Невинский // Журнал российского права. – 2003. – № 11. – С. 65–79.

REFERENCES

1. Anichkin E.S., Zenina O.A. The principle of direct effect of the Russian Federation Constitution: current issues. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2015, no. 2 (40), pp. 14–17. (In Russ.).
2. Kozhokhin B.I. Some features of the implementation of the Russian Constitution. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo*, 1996, vol. 2, pp. 87–93. (In Russ.).
3. Grevtsov Yu.I. Direct action of the Constitution? *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 1998, no. 6, pp. 94–99. (In Russ.).
4. Results of the Spring School of Young Scientists “Actual problems of direct action and application of the Constitution of the Russian Federation. *Rossiiskoe pravosudie*, 2014, no. 6 (98), pp. 109–112. (In Russ.).
5. Chirkin V.E. *Constitutional Law of Russia*, textbook, 2nd ed. Moscow, Yurist Publ., 2003. 447 p. (In Russ.).

6. Vengerov A. Direct action of the Constitution: legal, social, psychological aspects. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1995, no. 5, pp. 48–55. (In Russ.).
7. Vengerov A.B. *Theory of State and Law*, textbook. Moscow, Omega-L Publ., 2008. 608 p. (In Russ.).
8. Gogurchunov B.I., Gogurchunova M.B. On the Implementation of Federal Legislative Category “Direct Action” in the Territory of Constituent Entities of the Russian Federation: as Exemplified by the Republic of Dagestan. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2015, no. 11, pp. 38–40. (In Russ.).
9. Luchin V.O. *The Constitution of the Russian Federation. Implementation problems*. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2002. 687 p. (In Russ.).
10. Ebzeev B.S. The Constitution of the Russian Federation: direct action and conditions of implementation. *Gosudarstvo i pravo*, 2008, no. 7, pp. 5–15. (In Russ.).
11. Kokotov A.N. Direct effect of the Constitution of the Russian Federation. *Vestnik Ustavного суда Sverdlovskoi oblasti*, 2009, no. 1 (10), pp. 59–65. (In Russ.).
12. Kravets I.A. *Russian constitutionalism: Problems of formation, development and implementation*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2004. 675 p. (In Russ.).
13. Ebzeev B.S. *Personality and State in Russia: Mutual Responsibility and Constitutional Duties*. Moscow, Norma Publ., 2007. 384 p. (In Russ.).
14. Shagieva R.V. *The concept of legal activity in modern society*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2006. 38 p. (In Russ.).
15. Antonenko V.M. *Direct action of the Constitution of the Russian Federation*, Cand. Diss. Thesis. Yekaterinburg, 2014. 25 p. (In Russ.).
16. Vitruk N.V. *Loyalty to the Constitution*. Moscow, RAP Publ., 2008. 272 p. (In Russ.).
17. Nevinskii V.V. The Constitution of the Russian Federation: A Test of International Experience. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2003, no. 11, pp. 65–79. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аничкин Евгений Сергеевич – доктор юридических наук, заведующий кафедрой трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайский государственный университет 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
e-mail: rrd231@rambler.ru

Ряховская Татьяна Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС 6301012, Россия, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6
e-mail: ryahovskaya.ti@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Аничкин Е.С. Прямое действие и применение норм Конституции РФ: к вопросу о разграничении понятий / Е.С. Аничкин, Т.И. Ряховская // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 1. – С. 31–39. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(1).31-39.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Evgeny S. Anichkin – Doctor of Law, Head, Department of Labor, Environmental Law and Litigation Altai State University 61, Lenina pr., Barnaul, 656049, Russia
e-mail: rrd231@rambler.ru

Tatiana I. Ryahovskaya – PhD in Law, Associate Professor, Department of Theory of State and Law Siberian Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration 6, Nizhegorodskaya ul., Novosibirsk, 6301012, Russia
e-mail: ryahovskaya.ti@gmail.com

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Anichkin E.S., Ryahovskaya T.I. Direct effect and application of provisions of the Constitution of the Russian Federation: the question of the delimitation of concepts. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 1, pp. 31–39. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(1).31-39. (In Russ.).